

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.17>

Кочнев Евгений Анатольевич, Наумов Сергей Васильевич, Мишин Юрий Дмитриевич

УСЛОВИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СУБЪЕКТЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Террор к XXI столетию обрел масштаб глобальной угрозы социальному прогрессу и реально может стать политической глобальной проблемой номер один. Обращают внимание устойчивость положения террористов, расширяющиеся ряды и места дислокации, мобильность, техническое и финансовое состояние террористических формирований, в связи с чем особую актуальность приобретают исследование условий расширенного воспроизводства террористической деятельности, установление субъектного состава, ее динамики, четкость в определении "террора", "терроризма". Авторы провели историческое, логическое и социокультурное исследование процесса метаморфозы террора в контексте устойчивости его воспроизводства, акцентировав внимание на условиях и субъектах террористического движения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/8/17.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(94) С. 76-81. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 347 с.
7. Флоренский П. А., свящ. Сочинения: в 4-х т. / сост. Игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой; ред. Игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. Т. 3. 621 с.
8. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1988. № 10. С. 88-104.
9. Hassan I. A Culture of Postmodernism // Theory, Culture and Society. 1985. № 2 (3). P. 119-131.
10. Hutcheon L. The Politics of Postmodernism: Parody and History [Электронный ресурс]. URL: http://people.ds.cam.ac.uk/raa25/Papers/PoMo_files/Linda%20Hutcheon.pdf (дата обращения: 20.04.2018).
11. Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism (Post-contemporary Interventions). Durham: Duke University Press, 1991. 467 p.

QUASI-ONTOLOGY OF POSTMODERNISM

Kornienko Natal'ya Vladimirovna

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
nvkornienko07@gmail.com*

The article is devoted to the study of the postmodernism phenomenon from the position of the “concrete” metaphysics of P. A. Florensky through the lenses of the language ontological conception, supplemented by the theory of simulacra by J. Baudrillard. The author introduces the notion of quasi-ontology in contrast to normative ontology, and attempts to justify the emergence of postmodernism against its background through the three stages of the semiosis of the language-sign relative to the language-symbol. In the course of the study, the author comes to the conclusion that postmodernism, being formed on the basis of quasi-ontology, cannot have an ontological basis, and, therefore, it is an illusion created by non-normative ontology, a priori coexisting along with Existence.

Key words and phrases: postmodernism; semiosis; language; symbol; sign; name; normative and non-normative ontology; quasi-ontology.

УДК 101.1:316

Дата поступления рукописи: 05.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.17>

Террор к XXI столетию обрел масштаб глобальной угрозы социальному прогрессу и реально может стать политической глобальной проблемой номер один. Обращают внимание устойчивость положения террористов, расширяющиеся ряды и места дислокации, мобильность, техническое и финансовое состояние террористических формирований, в связи с чем особую актуальность приобретают исследование условий расширенного воспроизводства террористической деятельности, установление субъектного состава, ее динамики, четкость в определении «террора», «терроризма». Авторы провели историческое, логическое и социокультурное исследование процесса метаморфозы террора в контексте устойчивости его воспроизводства, акцентировав внимание на условиях и субъектах террористического движения.

Ключевые слова и фразы: террор; субъектный состав; условия воспроизводства террора; утрата автономности; глобализация; нигилизм.

Кочнев Евгений Анатольевич

Наумов Сергей Васильевич

*Сибирский институт международных отношений и регионоведения, г. Новосибирск
vulpinos@yandex.ru; saklab@ngs.ru*

Мишин Юрий Дмитриевич, к. филос. н., профессор

*Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск
filos@stu.ru*

УСЛОВИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СУБЪЕКТЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Врастание террора в общий поток исторических изменений сопровождалось заимствованиями и проникновениями террористических идей, инструментов воздействия в смежные политические течения, участвующие в сопротивлении существующим общественным порядкам. Насилие всегда притягивает к себе насилие либо активизирует антинасилие, что, по сути, также является насилием. Борьба с террором включает в себя два основных направления: противодействие в режиме настоящего времени и профилактику, нейтрализацию и устранение условий террора. Первым занимаются правоохранительные органы, второе – работа всеобщая.

Объектом исследования являются условия устойчивости воспроизводства в историческом процессе террора, предметом – социокультурное содержание и изменение идеологии террора в контексте осуществляемых демократических преобразований, а также субъектный состав террористической деятельности. Борьба с террором требует четкости в определении его участников. Недопустимы размытые понятия субъектов всего ряда, от личности до государства. Задача данной статьи: определить социально-экономические, политические

и культурные условия, способствующие устойчивости воспроизводства террора; исходя из полученных результатов, ранжировать актуальность направлений антитеррористической борьбы, включая четкое понимание субъектов террористической деятельности.

Террор в XXI столетии представляет опасность социальному прогрессу в качестве относительно автономного движения, использующего экстремальные формы борьбы, но еще опаснее угроза террора как детонатора международной напряженности. Крайность взглядов террористов служит им достаточным основанием не различать обычное взрывное устройство и средства массового поражения. Их цель – заставить принять свои требования любой ценой. Идеологи терроризма настраивают рядовых террористов на то, что смерть – высшая цена жизни. Вера здесь выступает прикрытием, рассчитанным на безусловность авторитета руководителей и социокультурную ограниченность исполнителей.

Естественно, что всему этому активно способствует экономическая ситуация в мире. Термин «эксплуатация» изъят из массового употребления, исчез он и из научных, экономических, политических, социологических исследований. Де-факто же все осталось в прежнем виде: кризисы продолжаются, неравенство в реальном проявлении нарастает, создавая благоприятные условия для усиления критического отношения к устройству существующей организации общества.

Спецслужбы США, Великобритании, ряда стран ЕС не без успеха спекулируют на противоречивости в понимании террора, недостаточной определенности и отсутствии консенсуса в толковании базовых понятий, раскрывающих этот социальный феномен. Все явственнее в американской политике прослеживается стремление, в интересах достижения «управляемого хаоса», сделать понимание терроризма более эластичным путем размывания границ между террором и активным сопротивлением существующей государственности. Таким образом, представители ряда иностранных государств пытаются включить террор в число вынужденных форм ответной реакции на проявления элементов тоталитаризма со стороны законодательно оформленной власти, реабилитировать террористов, снять с них первоначальную ответственность за инициирование насильственных действий. Задача состоит в том, чтобы публично представить эволюцию террора из «дикого» исходного состояния в современную форму политической борьбы, имеющую потенциал положительного эффекта.

Ближний Восток остается полигоном, на котором, с одной стороны, испытание проходит терроризм – совершенствует средства борьбы за тот порядок, что дает преимущества террористическому господству, оправдывает вложенные в него финансы и техническую поддержку; с другой – в реальных условиях оттачивает осознание преимуществ кооперации с террористами тех, кто убежден, что политическая гегемония предполагает продвижение национальных интересов за счет суверенных государств во всем мире, кто идет на осознанный процесс демонстрации преимуществ силы перед законом. Мы не первыми описываем данный конфликт. Он наложил отпечаток даже на энциклопедическое толкование террора.

“Britannica”, одно из самых авторитетных информационных изданий с репутацией объективной характеристики представленных явлений, дает следующее пояснение в статье «терроризм»: «... систематическое использование жестокости для создания общей атмосферы страха у населения для достижения определенных политических целей. К террору в истории прибегали правые и левые политические организации, националистические и этнические группы и революционеры. Хотя часто под ним подразумевают средство дестабилизации или свержения существующих политических институтов, террор иногда используется правительством против своего народа для подавления инакомыслия; например: во времена некоторых римских императоров, французской революции (Якобинский террор), в нацистской Германии, Советском Союзе при Сталине, Аргентине во время “грязной войны” в 1970-е. Воздействие терроризма усиливается поражающей способностью и технологической изощренностью современного оружия и способностью средств массовой информации распространять новости о таких актах мгновенно по всему миру» [8, с. 1901].

“Britannica” рассчитана на широкого потребителя, популярна и принадлежит к ряду эффективных печатных источников, в связи с чем актуально проанализировать, что узнает читатель о терроризме, точнее, что позволено ему узнать, что «включено» в идеологическую нагрузку к определению «терроризма» и что опущено либо изящно упаковано в вербальную форму?

Начало определения – беспорное его достоинство. Здесь авторы статьи абсолютно точны, характеризуя терроризм. Продолжение вызывает недоумение. Замена термина «терроризм» «террором» непозволительна. Речь должна идти о двух родственных, но несовпадающих понятиях. Такая подмена ведет к размыванию понимания терроризма. Мы уже отмечали в своих публикациях, что «терроризм» приходит на смену «террору» [2, с. 15].

Принципиальное отличие этих понятий заключено в содержании и его структуре. «Террор» – это инструмент действия, «терроризм» – идеологическая концепция, построенная на абсолютизации террора в качестве средства достижения цели действия. Террор – составляющая терроризма, способная к самостоятельной практике [3, с. 280-281]. Существенно различается и статус террора. Признание террора инструментом может быть в двух вариантах. Первый – когда отсутствуют иные средства изменения отрицаемой организации отношений в обществе, второй – изначально под влиянием обучения и пропаганды. Террор как средство борьбы с самодержавием в связи с отсутствием возможности действовать гуманными демократическими приемами признали отечественные революционеры-народники после безуспешных походов в народ в середине 1870-х годов.

Крестьяне верили в царя-батюшку, думая, что единственная причина их тяжелой участи скрывается в делах помещиков и чиновников. Достать землевладельцев напрямую революционеры не могли, поэтому приняли решение запугать власть крайними средствами. К частичному оправданию террора как специфического приема революционной борьбы они пришли в результате почти десятилетних споров, проб, иных средств

продвижения революционного дела. П. А. Кропоткин вспоминал: «Не раз обсуждали мы в нашем кружке (кружок Н. В. Чайковского. – *Е. К., С. Н., Ю. М.*) необходимость политической борьбы, но не приходили ни к какому результату. Апатия и равнодушие богатых классов были безнадежны, а раздражение среди молодежи еще не достигло того напряжения, которое выразилось шесть или семь лет спустя борьбой террористов под руководством Исполнительного комитета. Мало того, – такова трагическая ирония истории – та самая молодежь, которую Александр II в слепом страхе и ярости отправил сотнями в ссылку и на каторжные работы, охраняла его в 1871-1878 годы. Самые социалистические программы кружков мешали повторению нового покушения на царя. Лозунгом того времени было: “Подготовьте в России широкое социалистическое движение среди крестьян и рабочих. О царе же и его советниках не хлопчите. Если движение начнется, если крестьяне присоединятся массами и потребуют землю и отмену выкупных платежей, правительство, прежде всего, попробует опереться на богатые классы и на помещиков и созовет Земский Собор. Точно таким же образом крестьянские восстания во Франции в 1789 году принудили королевскую власть созвать Национальное собрание (с него началась Великая французская буржуазная революция. – *Е. К., С. Н., Ю. М.*). То же самое будет и в России”» [Там же, с. 280], – заключает известный идеолог и участник народнического движения в стране. Отождествление понимания терминов «террор» и «терроризм», организационное оформление последнего, по существу, к новому этапу борьбы за политическое переустройство России осуществлялись в контексте политических изменений в стране.

История террора началась в России в 1860-е годы с нигилизма. История эта имеет и современную ценность, по крайней мере, для разъяснения некоторых противоречий логического порядка в воспроизводстве терроризма. Основную часть нынешних рядов террористов составляют те, кто не получил системного образования, руководствуется чувственным мышлением, ограничен в культурном развитии, но среди террористов есть и вполне образованные, культурно сформированные люди. Как они туда попали, что им там надо? Ответы на эти вопросы можно получить в отечественном движении сопротивления, и лучше сделать это, основываясь на первоисточниках, так как за более чем вековую историю террора родилось немало искажений.

П. А. Кропоткин категорически отрицал попытки западноевропейских и отечественных исследователей отождествить террор с нигилизмом: «Смешивать нигилизм с терроризмом все равно, что смешать философское движение... с политическим движением, например республиканским... Терроризм был порожден особыми условиями политической борьбы в данный исторический момент. Он жил и умер. Он может вновь воскреснуть и снова умереть. Нигилизм же наложил у нас свою печать на всю жизнь интеллигентного класса, а эта печать не скоро изгладится» [Там же, с. 267]. Нигилизм, как свидетельствует история, не был исключительно российским явлением. Своеобразие российской истории подчеркнуло его национальный статус, сделало более выпуклым. Нигилизм, как и террор, сохранил свое историческое присутствие, правда, в изменившемся виде.

Нигилизм в России сыграл двойственную роль в истории террора. Вначале он стал буфером на пути террористических идей. Нигилисты, как показал Н. Г. Чернышевский, заслуживший похвалы П. А. Кропоткина («В нигилистах Чернышевского, выведенных в несравненно менее художественном романе “Что делать?”», мы уже видели лучшие портреты самих себя» [Там же, с. 269]), не абсолютизировали отрицание существующей действительности, доводя отрицание до уничтожения любыми доступными средствами, не считаясь ни с чем, в том числе и с нравственными устоями жизни личности. Они, вплоть до очередного наступления политической реакции в конце 1870-х годов, искали вполне легальные, высоконравственные конструкции иных отношений, альтернативных отрицаемому социальному опыту. Нигилисты Н. Г. Чернышевского верили в возможность мирного перехода к новым формам труда, с которыми связывали надежду переломить ход истории. В известной мере отечественные нигилисты повторили европейские эксперименты социалистов, в частности «коммуны» Р. Оуэна. Когда же и легальные средства встретили отторжение власти и ужесточение мер подавления гражданской инициативы, «маятник решений» качнулся в сторону признания права решать проблемы всеми возможными инструментами сопротивления политическому насилию.

Однако и после нравственная составляющая насильственных мер борьбы с насилием сохранила, насколько возможно, приоритетное положение. Существовала практика предупреждения, были предложения о компромиссе, брались во внимание конкретные обстоятельства проведения терактов с целью не допустить невинных жертв [6, с. 57]. Пока террор контролировался революционно-демократической идеологией, он был «отрицательной формой отрицания», не имевшей морального оправдания, однако одновременно существовало и критическое отношение к самой форме террора, что давало реальную возможность решать проблемы, не допуская крайних средств с обеих сторон. С теми, кто и сегодня допускает террор как исключительное средство наказания и находится на противоположной стороне фронта, удастся находить точки взаимного интереса и двигаться по пути переговоров, взаимных уступок, включать «третьи силы». Был опыт подобных действий в Чечне, идет поиск компромиссов в Сирии, не обойтись без него в Ираке и Афганистане, Йемене и Ливии. Террористы, как и революционеры, – явления неоднородные, и, при соблюдении принципиального осуждения террористической борьбы во всех формах ее проявления, не следует забывать о структурности этих движений. И там и здесь есть фанатики, но есть и здравомыслящие, которым для разумного определения отношения к террору не хватает аргументов. Их нужно помочь собрать.

Террористы не только различаются внутри движения, они еще и изменяются во времени. Революционеры приобщались к террору, пройдя, как правило, двойное испытание себя в качестве личности. Сначала они испытывали себя на гуманность, определяя собственное отношение к существующему укладу жизни, его порочности, после чего экзаменовали себя на способность к активному противодействию социальным порокам.

Вопросы А. И. Герцена: «Кто виноват?» и Н. Г. Чернышевского: «Что делать?» были своего рода тестами для революционеров. Отвечая на них, молодежь, включившаяся в борьбу, определяла степень своего духовного и физического совершенства – готовности служить интересам угнетенного народа.

В условиях России 1840-80-х годов революционерам не на кого было серьезно рассчитывать. Декабристы не столько пробудили массовое сопротивление режиму, сколько напугали сочувствующих бесправием народа и его безжалостной эксплуатацией, ужесточили действия властей. Бросить вызов самодержавию могли лишь убежденные и развитые личности. И в этом был своеобразный залог того, что признание крайних средств насилия окажется крайней мерой действий под контролем разумности. С. М. Кравчинский (Степняк) так пояснял состояние революционной рефлексии: «Террор – ужасная вещь, есть только одна вещь хуже террора: это безропотно сносить насилие» [5, с. 307].

Путь к террору современных нигилистов много короче: от отчуждения действительности с ее противоречиями – к вере в помощь трансцендентных сил, за которую нужно платить полной мерой и без размышлений. Современный терроризм, прежде всего, форма абсолютного нигилизма. Революционный террор с конца XIX столетия эволюционировал в сторону отрицания государственной формы организации общественного порядка, анархизма. Снижение значимости в революционно-демократической борьбе фактора личного совершенства – одна из причин вырождения в ней демократической направленности, перерождения в сектанство и бандитизм.

Студенты XXI века недоумевают: «Зачем народники и социал-демократы изучали в кружках “Капитал” К. Маркса?». В университетах России, за исключением профильных, не работают с классическими научными трудами, довольствуются фрагментами либо пересказами оригинальных текстов.

Не удивительно, что в рядах террористов немало недоучившихся в прошлом студентов. Поверхностность, фрагментарность образования ограничивает интеллектуальные возможности сознания. Личность, нагружая себя противоречиями, оказывается бессильной их разрешать. Тогда и возникают известные пути продолжения – первый, сформулированный в популярном призыве: «Короче!». Не надо рассуждать, надо что-то делать. Второй – идти за помощью к тем, кто должен знать, но так, чтобы все было проще. Пока в массовом масштабе процветают «покороче» и «попроще», собственное мышление личности будет деградировать.

Экзистенциалисты верно заметили, что «человек всегда больше того, что он знает о себе... он есть путь» [7, с. 378]. Как утверждал К. Ясперс, «человек, расщеплен в глубине своей сущности. Как бы он ни мыслил себя, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. Все вещи он видит в противоречиях... Расщепляется ли он как дух и плоть, как рассудок и чувственность, как душа и тело, как долг и склонность, противопоставляется ли его бытие и его явление, его деятельность и мышление, то, что он делает, и то, что он полагает делать. Решающее в этом – что он все время должен противопоставлять себя себе» [Там же].

Жизнь, как борьба, оставляет человеку небольшой выбор – либо попытаться снять напряжение жизненного состояния путем отождествления бытия с сознанием, то есть, по сути, отказаться от противопоставления сознания реальности, ее несовершенству, взглянуть на реальность как на разумную необходимость, усмирить критические призывы мышления, считать их неадекватными, достигнуть синтеза в расщеплении субъективного и объективного. Либо признать за разумную действительность исключительно предельное совершенство бытия, соответствующее идеалам сознания. Отказаться от возможности разумности в форме конкретно-исторических состояний бытия. Истинное бытие проявляется только как самобытие – безусловное, высшее, достижимое в борьбе. Такая борьба раскрывается в напряжении пограничных ситуаций. Жизнь раскрывается в пограничных ситуациях. К. Ясперс пояснял: сущность напряжения пограничных ситуаций в том, что оно не устранимо. Ибо конкретно не обусловлено. Перед человеком открывается бездна, требующая «решительности самобытия» [Там же, с. 379]. «Если человек не познается более как бытие, которое он есть, он, познавая, приводит себя в состояние неустойчивости абсолютной возможности. В ней он слышит призыв к своей свободе, исходя из которой, он лишь посредством себя становится тем, чем он может быть, но еще не есть. В качестве свободы он заклинает бытие как его скрытую трансцендентность» [Там же].

Сознание зависит от бытия, но выбор остается за сознанием. Поведение личности регламентируется ответственностью и за выбранное решение, и за результат, в который выбор в конечном счете воплотится. Противоречия действительности, служащей условием развития личности, необходимо разрешать. Они провоцируют поведение личности, угнетают ее самобытность, разрушают целостность, загоняют в тупик познания. Вместе с тем объективность среды обезличивает человека. Мыслящий человек не может оправдать свои действия ссылкой на обстоятельства, так как он тем самым признает свое собственное бессилие либо нежелание быть собою.

Неудовлетворенных условиями жизни во много раз больше тех, кто ищет выход в террористической борьбе. Именно в данном соотношении целесообразно искать резервы профилактики террора. Как? Нам представляется, что надежным инструментом подавления распространения терроризма является модернизация образования, акцент в образовании на формирование мировоззрения и особенно демократических ценностей. Возможно, факт активизации деятельности террористов на территории России в период модернизации отечественного образования – простое совпадение. Если же проанализировать принципы и содержание модернизации, то мнение может быть иным.

Смена личностной парадигмы направления деятельности школы на компетентностную, стремление подменить непосредственные субъектные отношения на дистантное общение, под благим предлогом необходимости интенсификации образовательной деятельности, целенаправленно сводят к минимуму воспитательную составляющую [4, с. 194-195]. Что же касается регулярных призывов «обратить внимание», «серьезно

заняться», «рассматривать воспитание как приоритет», то невольно вспоминаешь известную восточную мудрость относительно движения каравана. В школе надо людей учить мыслить, а не готовым мыслям. Выиграет борьбу тот, кто будет лучше учить думать и ценить знания в системе, то есть признавать системное положение веры, не искать себе кумиров и апостолов.

Только философское осмысление миропорядка и человеческой в нем ценности позволяет переступить порог представлений и выйти на уровень понятийной рефлексии, если не служащей препятствием на пути к экстремизму, то тормозящей движение к порочным выводам.

В мифологии и религии имеется экстремистский потенциал, под знаменами всех существующих мировых религий действовали террористы и подобные им. В истории философии нет ни одного случая содействия экстремизму. Напротив, книги философов экстремисты публично жгли, лишали возможности доступа к трудам мудрецов. Философию пытались подменить теософией, мистикой, чем угодно, лишь бы увести массовое сознание от желания искать разрешение своих сомнений в философии. Параллельно можно проследить, как в бессилии экстремисты упрощали философское понимание жизни, сводили цельность философских систем к отдельным мыслям, разрушая вместе с целостностью их гуманизм.

Общезвестно, что всем социальным революциям предшествовала революционная перестройка в философском осознании существующих противоречий, ведущих в тупик общественную жизнь человека и его самого как личности. Наступление политической реакции также неизменно активизировало философскую мысль в поисках мер противоборства: Англия XVII в., Франция XVIII в., Россия, Италия, Германия XIX в., Китай, Индия XX века – все это примеры всплеска философской реакции на узурпацию политической силы властью. Удивительно, но факт – в XXI столетии отсутствует равновесный ответ философии на глобализацию террористической угрозы.

Европейские мыслители отреагировали достойно на фашизм и нацизм, вызвавшие ужас и чувство незащищенности у людей. Терроризм – по-прежнему тема политиков, законодателей, журналистов. Политологи ограничиваются осуждением и неэффективными прогнозами, законодатели тщетно надеются на резистентность либеральных ценностей, а поведение средств массовой информации соответствует планам экстремистов – они и рассчитывают на публичность своих акций. По-другому не получить желаемого политического эффекта, не напугать.

Мы не хотим сказать, что мудрецы XXI века замерли в ожидании своего часа вступить в действие. Определенная обеспокоенность в философском сообществе есть, но необходим более эффективный подход к решению проблемы терроризма. Предлагаем, во-первых, вычленив терроризм из совокупности насильственных действий социальной направленности и политического размера. Во-вторых, вскрыть условия воспроизводства терроризма и устойчивости его в изменяющемся мире. В-третьих, предложить путь достижения солидарности антиэкстремистских сил.

Нам представляется важным также достижение консенсуса в определении субъектов террористической деятельности на основе определения террора. Ими, вне всякого сомнения, являются личность, организация, партия, объединение. Присутствие в списке государства неоднозначно. Государство в качестве субъекта террора признано, в частности, Женевской декларацией 1987 года [9], имеются научные исследования, авторы которых обосновывают террористический статус государства [1]. Активность в данном направлении возросла к концу XX столетия и в нулевое десятилетие, что привело к формированию нового политического уклада в мире, противопоставления «истинной» демократии тоталитарной власти. В число государств, обвиненных в терроризме, попали все те, которые мешали политическому господству США и их союзников: СССР, Югославия, Иран, Ирак, Ливия, Сирия и др. Международные фонды, нацеленные на развал СССР и дискредитацию социалистических социокультурных завоеваний, щедро субсидировали любое исследование антисоветского содержания, подрывающее национальную независимую политику, не считаясь с подмной понятий и логическим абсурдом.

Политические требования террористов несовместимы с существующим политическим порядком, охраняемым государством и правовой системой, как правило, адаптированными под уровень политических интересов большинства в демократическом обществе либо допускаемыми большинством в недемократическом. Если большинство против, то создается необходимая предпосылка естественного разрешения противоречия – революции. Остается революционерам активировать достаточное условие для революционной ситуации – конфликт во власти, выбравшей интересы меньшинства. Террористы не революционеры, их понимание насилия не отражает естественный ход развития истории, они искусственно пытаются ускорить развитие.

Субъект террора, следовательно, должен: 1) обладать способностью принимать политические решения, отрицающие действующую политическую реальность, и предлагать альтернативный ей порядок; 2) субъектом террора может быть тот, кто (что) не ограничивает себя в выборе средств действия, считает, что чем насильственнее они будут, тем больше шансов парализовать волю к сопротивлению и заставить выполнить условия; 3) субъектом террора может быть только тот, у кого имеются силы осуществить политическую программу при определенных условиях.

На концах ряда, образуемого субъектами террора, оказываются личность и государство. Личность неспособна самостоятельно осуществить политический переворот. Это по силам только организации, т.е. консолидированной совокупности личностей. Тем не менее личность является субъектом террора в качестве исходного носителя сознания и практического действия. Без личностного участия нет организации.

Государство, по формальному определению, не может быть террористом, разумеется, если оно не бутафорское, как ИГИЛ¹. Государство – главный политический субъект, и выдвигать ему внутри себя политические требования абсурдно. Оно способно, используя репрессивный аппарат, принуждать выполнять определенные политические условия всех других политических и неполитических субъектов. Не более того. Государство может рассматриваться в общей теории насилия в виде субъекта как агрессор, репрессивный режим. Только не как террорист.

Итогом проведенных нами исследований служат следующие выводы:

1. Террор сохраняет устойчивость воспроизводства в различных исторических эпохах благодаря своим адаптационным резервам, имея в опыте различные инструменты действия.

2. Сохраняя свою асоциальную сущность, террор активно спекулирует на противоречиях общественно-прогресса как в национальных, региональных, так и мировом масштабах, умело используя напряженность в экономических и политических отношениях.

3. В XX столетии террор растратил значительную часть своего идеологического обеспечения, подчинив движение политике господствующих в регионах государств.

4. Борьба с террором требует четкости в понимании его субъектного состава, в частности, оценки крайних субъектов ряда – личности и государства.

5. Противодействие террору должно развиваться в двух направлениях: необходимо лишить террор преимуществ опережающего действия посредством превентивных мер спецслужб – тактическое направление; убрать социально-экономические, политические и культурные корни терроризма на уровне государственной политики, что является стратегическим направлением борьбы. Особого внимания требует модернизация образования, которое должно быть организовано согласно классическому толкованию, как взаимосвязь воспитания с обучением. Необходимо учить мыслить системно и самостоятельно, а не готовить носителей знаний, которым можно придать любой вектор миропонимания. Победить террор оперативным противодействием в режиме «здесь и сейчас» не получится. Для победы требуется воинствующий и всесторонний характер противоборства.

Список источников

1. Блищенко В. И. Международно-правовые проблемы государственного терроризма (на примере Чили): автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 1989. 18 с.
2. Кочнев Е. А., Мишин Ю. Д. Терроризм в контексте глобальных опасностей мирного развития человечества // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2016. № 2 (244). С. 9-20.
3. Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 540 с.
4. Мишин Ю. Д., Постников П. М. История российской концепции инженерного образования: методический, социокультурный и практически-педагогический контекст: монография. Новосибирск: СГУПС, 2015. 260 с.
5. Письма П. А. Кропоткина к Н. В. Чайковскому, 2 февраля 1895 г. // Русский исторический архив. Прага, 1927. Сборник первый. С. 301-317.
6. Савинков Б. Записки террориста. М.: Захаров, 2002. 560 с.
7. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 288-508.
8. Britannica: настольная иллюстрированная энциклопедия: в 2-х т. М.: АСТ-Астрель, 2008. Т. II. 2325 с.
9. The Geneva Declaration on Terrorism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-p-o.org/GDT.HTM> (дата обращения: 22.08.2018).

CONDITIONS FOR SUSTAINABILITY OF TERRORIST ACTIVITY REPRODUCTION AND SUBJECTS OF ITS IMPLEMENTATION

**Kochnev Evgenii Anatol'evich
Naumov Sergei Vasil'evich**

*Siberian Institute of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk
vulpinos@yandex.ru; saklab@ngs.ru*

Mishin Yurii Dmitrievich, Ph. D. in Philosophy, Professor
*Siberian Transport University, Novosibirsk
filos@stu.ru*

By the XXI century, terror has acquired a scale of global threat to social progress and can really become political global problem No. 1. Attention is drawn to the stability of the situation of terrorists, the expanding ranks and locations of deployment, the mobility, technical and financial state of terrorist groups. Therefore the study of the conditions for the expanded reproduction of terrorist activity, the ascertainment of the subject composition, its dynamics and clarity in the definition of “terror”, “terrorism” acquire special topicality. The authors conduct the historical, logical and socio-cultural study of the process of terror metamorphosis in the context of its reproduction sustainability, focusing on the conditions and subjects of the terrorist movement.

Key words and phrases: terror; subject composition; conditions for terror reproduction; loss of autonomy; globalization; nihilism.

¹ Организация ИГИЛ включена в Единый федеральный список организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, согласно решению Верховного Суда Российской Федерации, вступившему в силу 13.02.2015.